

ПРИРОДА И ОБЩЕСТВО NATURE AND SOCIETY

УДК 504.03:91

DOI: 10.37490/S221979310031335-1

А. В. Бочарникова

Научно-исследовательский центр экологической безопасности Российской академии наук — Федеральный исследовательский центр Российской академии наук,
г. Санкт-Петербург, Россия
E-mail: aleksandra.bocharnikowa@yandex.ru

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ В РАМКАХ КОНЦЕПЦИИ ЭКСТРАКТИВИЗМА (НА ПРИМЕРЕ КОМПАНИИ «УСТЬ-ЛУГА» И МЕСТНОГО СООБЩЕСТВА)

В концепции экстрактивизма описываются социальные процессы, когда наименее защищённые социальные группы общества протестуют против деятельности компаний в процессе добычи ресурсов. Во многих странах сырьевая экономика является преобладающей, и на территории, где происходит добыча ресурсов, противопоставляются доминирующее общество и коренное население. В Кингисеппском районе Ленинградской области коренным населением являются народы финно-угорской языковой группы (водь и ижора), основным занятием которых в прошлом было рыболовство. Целью исследования является рассмотрение конфликта жителей Усть-Лужского сельского поселения с портом Усть-Луга с точки зрения концепции экстрактивизма. Начиная с XIX в., традиционное хозяйство претерпело значительные изменения, но вплоть до строительства порта в Усть-Луге в 1990-е гг. местное население продолжало работать на консервном заводе. После строительства угольного и нефтеналивного терминалов консервный завод был закрыт, а на терминалах стали работать мигранты из других регионов. В статье представлены рекомендации по проведению компанией «Усть-Луга» специальной политики, включающей улучшение инфраструктуры посёлков, финансирование туристской деятельности, в т. ч. связанной с музеями водской и ижорской культуры, проведение мероприятий по сохранению исторического и природного наследия территории.

Ключевые слова: экстрактивизм, экологический конфликт, Ленинградская область, Усть-Луга, коренные народы, ижора, водь.

Для цитирования: Бочарникова А. В. Экологический конфликт в рамках концепции экстрактивизма (на примере компании «Усть-Луга» и местного сообщества) // Псковский регионологический журнал. 2024. Т. 20. № 3. С. 86–98. DOI: <https://doi.org/10.37490/S221979310031335-1>

A. V. Bocharnikova

Saint Petersburg Research Centre for Ecological Security of the Russian Academy
of Sciences — Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences,
Saint Petersburg, Russia
E-mail: aleksandra.bocharnikowa@yandex.ru

ECOLOGICAL CONFLICT WITHIN THE CONCEPT OF EXTRACTIVISM (ON THE EXAMPLE OF THE UST-LUGA COMPANY AND THE LOCAL COMMUNITY)

The concept of extractivism describes social processes when the least protected social groups of society protest against the activities of companies in the process of resource extraction. In many countries, the raw materials economy is predominant, and in the territory where resource extraction takes place, the dominant society and the indigenous population are opposed. In the Kingiseppsky District of the Leningrad Region, the indigenous population are the peoples of the Finno-Ugric language group (Vods and Izhora), whose main occupation in the past was fishing. The aim of the study is to consider the conflict between the residents of the Ust-Luga rural settlement and the port of Ust-Luga from the point of view of the concept of extractivism. Beginning in the 19th century, the traditional economy underwent significant changes, but until the construction of the port in Ust-Luga in the 1990s, the local population continued to work at the cannery. After the construction of the coal and oil terminals, the cannery was closed, and migrants from other regions began to work at the terminals. The article presents recommendations for the implementation of a special policy by the Ust-Luga company, including improving the infrastructure of villages, financing tourism activities, including those related to museums of the Vot and Izhora culture, and carrying out activities to preserve the historical and natural heritage of the territory.

Keywords: *extractivism, ecological conflict, Leningrad region, Ust-Luga, indigenous peoples, Izhora, Vod.*

For citation: Bocharnikova A. V. (2024), Ecological conflict within the concept of extractivism (on the example of the Ust-Luga company and the local community), *Pskov Journal of Regional Studies*, vol. 20, no. 3, pp. 86–98. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.37490/S221979310031335-1>

Введение. В конце 90-х гг. XX в. в мировой экономике стало обязательным требование социальной ответственности корпораций. Крупнейшие компании должны были проводить особую политику, регулирующую отношения с местными жителями, в особенности это касалось тех территорий, на которых проживали коренные народы. Политика, которая годами проводилась в странах Азии и Африки, стала переосмысливаться — корпорации должны были выплачивать компенсации местному населению, или же обеспечивать работой жителей окрестных посёлков.

Некоторые авторы, такие, как Хопкинс [13], Макинтош [18], Задек [22] придерживаются точки зрения, что стратегия социальной ответственности является способом переориентации бизнеса, проявлением гуманного капитализма.

Стратегия социальной ответственности компаний стала развиваться в рамках неолиберальной модели капитализма, когда государство минимально участвует в социальной защите населения, поскольку это является функцией компаний. Механизм контроля был экономическим. Для того, чтобы получить кредит Всемирного банка, корпорации должны быть экологически и социально ответственными предприятиями, использовать технологии, оказывающие минимальное воздействие на окружающую среду (в т. ч. «зелёные технологии»), в также проводить специальную политику по отношению к местным сообществам, особенно к коренным малочисленным народам [11].

Другие авторы, такие как Джонс [16] и Шарп [20], считают, что капитализм по сути является хищнической политикой, а стратегия социальной ответственности является лишь видимостью, которая позволяет скрыть истинные интересы.

Идея необходимости компенсации ущерба, нанесённого коренным жителям, которые проживали на территории добычи ресурсов, получила отражение в теории экстрактивизма [21]. Понятие «экстрактивизм» включает в себе сразу два аспекта — «экстракция» (извлечение ресурса) и «активизм» — общественная активность определённых групп населения.

Стратегия социальной ответственности (CSR), которая стала практически и обязательным требованием, привела к парадоксальному эффекту — не крупные компании стали адаптироваться к интересам местных сообществ, а, напротив, ценности компании стали заимствоваться коренными народами [8].

Целью работы является рассмотрение конфликта жителей Усть-Лужского сельского поселения с портом Усть-Луга с точки зрения концепции экстрактивизма.

Методология и степень изученности проблемы. Авторами теории экстрактивизма являются К. Джэлберт [12] и Дж. Джака [15], которые описали конфликты, происходившие между добывающими компаниями и коренным населением. Как правило, добыча полезных ископаемых происходила на территориях колоний в странах Африки, Северной и Латинской Америки («внешний колониализм»), и в основном, полезные ископаемые шли на экспорт.

Теория экстрактивизма включает понятие о сырьевой экономике, в которой предполагается потребительское отношение недропользователей к земле. В дальнейшем, во второй половине XX в., изменилось отношение к природным ресурсами и сообществам, зависящим от них непосредственно. Добыча полезных ископаемых оказала особенное влияние на первичный сектор экономики, и в результате новой политики предполагалась компенсация ущерба [21].

В рамках концепции экстрактивизма основное внимание уделяется местным сообществам, интересы которых противопоставляются компаниям, которые начинают разработки. Причём, как правило, речь идёт не столько об этнических интересах, сколько о групповых. Большая часть авторов не столько уделяет внимание теоретической разработке концепции экстрактивизма, сколько рассматривает конкретные примеры и случаи решения конфликтов между интересами компаний, государства и местных жителей [20].

В коллективной монографии под авторством К. Джэлберта, Э. Уиллоу, Д. Касагранде и др. «Экстрактивизм» отмечается, что добыча полезных ископаемых

начиналась в XVIII–XIX вв. в развивающихся странах, что было связано с развитием капитализма и отчуждением труда. В нескольких главах авторы рассматривают конфликты добывающих компаний и местного населения в странах Азии, Африки и Америки. Авторы Д. Остин и Т. МакГвайр описывают изменения в области нефтегазовой отрасли в Америке, а Д. Ренфрю — историю добычи урана в Уругвае. Э. Палмер рассматривает практику оценки воздействия на окружающую среду на примере золотодобычи в Австралии, отмечая, что в таких документах слишком много внимания уделяется количественным характеристикам, а качественные, в т. ч. связанные с ценностями традиционного общества, игнорируются.

После революции 1952 г. в Боливии угольная промышленность была национализирована, прошла волна протестов, которая привела к политическим изменениям, режим стал более демократичным, а доходы от отрасли стали платить в местный бюджет [14].

Дж. Джака описывает несколько этапов развития горной промышленности в мире в 1990-е гг.:

- 1) в XX в. добывающая промышленность перемещается из западных стран в развивающиеся, растут финансовые потоки;
- 2) цены на полезные ископаемые увеличиваются, промышленность интенсивно развивается, а в удалённых районах появляется большее количество проектов;
- 3) происходит волна протестов среди местных жителей, поскольку проекты оказывают вредное воздействие на экологическое и социальное положение жителей;
- 4) в 1980–1990-е гг. создаются международные экологические и этнические общественные движения, которые позиционируют себя как защищающие окружающую среду и права коренных малочисленных народов;
- 5) добывающие компании создают положительный имидж благодаря практикам социальной ответственности [15].

Теория и практика экстрактивизма в России также изучалась этнографами и антропологами — Д. А. Функом [19], Н. И. Новиковой [8], В. В. Поддубиковым [9], А. Н. Садовым и др. [1; 10; 11]. Среди российских исследователей модель угольного экстрактивизма на примере Кемеровской области исследовали В. В. Поддубиков, С. А. Арцемович и Д. А. Функ [19].

А. Н. Садовый даёт следующее определение экстрактивизму: «экстрактивизм — реакция этнических меньшинств на внешнее воздействие со стороны предприятий и бизнес-структур» [10].

Конфликт, связанный со строительством газопровода в республике Алтай, описан социологом О. В. Аксёновой [1]. Основными противниками проекта «Газпрома» были экологические организации, как международные («Гринпис», «WWF»), так и сибирские (Геблеровское экологическое общество, Фонд «Алтай XXI век»), и отдельные учёные.

На территории высокогорья земледелие отсутствует, возможно только скотоводство. Местное население состоит из различных групп, а пастбищ и рабочих мест на всех не хватает. В этническом отношении в этом регионе есть две основные группы — казахи и теленгиты, которые конкурируют за пастбищные территории. Этническая принадлежность частично конструируется, становясь политическим ресурсом.

К строительству газопровода жители относились неоднозначно. Представители старшего поколения, занимающиеся скотоводством, имеющие дипломы о высшем образовании, рассчитывали, что после строительства газопровода появятся рабочие места, но опасались, что, если построят дороги, в регион хлынут мигранты, которые потеснят местных жителей.

В Швеции, Норвегии и Финляндии по отношению к саамскому населению длительное время проводилась ассимиляционная политика (которая получила название «внутренний колониализм»). Саамы вели кочевой образ жизни, занимались рыболовством и оленеводством. В провинции Финмарк (Норвегия) оленеводами были только саамы, норвежцы работали в других отраслях. Долгое время на территориях проживания оленеводов не было добывающей отрасли. Когда в 1970-е гг. строили гидроэлектростанцию на реке Альта в Каутекейно в провинции Финмарк, местное сообщество объединилось против государства. Этот проект должен был обеспечить технологическое развитие всего региона, но нанёс бы серьёзный ущерб саамскому оленеводству и способствовал бы сокращению популяции лосося, что затронуло бы интересы коренного населения, которое занималось рыболовством. Следствием этого конфликта стал подъём саамского движения, в котором активно участвовали не только лидеры общественных организаций, но и учёные, журналисты и экологи. В 1970-е гг. в Финмарке прошли многочисленные протесты, затем проводились судебные заседания [17]. В результате гидроэлектростанция всё же была построена по основному проекту, поскольку суд вынес решение в пользу правительства, которое было инициатором строительства [1].

Результаты исследования. Примеры экологических конфликтов в России. В России освоение Севера, Сибири и Дальнего Востока проходило в большей степени мирным путём, а в XIX в. местное население облагалось данью — ясаком. В отличие от стран Латинской и Северной Америки, где коренное население (индейцы и иннуиты) истреблялось, а некоторые жители были отправлены в резервации, в императорской России проводилась другая политика. До революции были приняты законы, в т. ч. Устав Сперанского, которые регулировали отношения с коренным населением, а также включали меры, способствующие улучшению положения местного населения.

В СССР политика по отношению к национальным меньшинствам менялась в различные исторические периоды. В процессе осуществления политики патернализма, начиная с середины 1950-х гг., были созданы благоустроенные посёлки для всех жителей, в т. ч. для коренных малочисленных народов. В результате многие народы перестали вести кочевой образ жизни (удэгейцы, эвенки переселились в посёлки) и были интегрированы в доминирующее сообщество, получив возможность выбирать — кто-то продолжал заниматься традиционными отраслями хозяйства (ненцы — оленеводством), кто-то предпочел жить в посёлках и городах. Также обязательным стало образование, при этом жители Севера были включены в систему здравоохранения [3].

В южной части Кузнецкого бассейна добыча угля осуществлялась в течение 40 лет, что способствовало разрушению природной среды, где проживали коренные народы — шорцы и телеуты. Участниками конфликта стали местные жители и экологические организации (русская организация «Экозащита», которая активно вза-

имодествовала с зарубежными партнёрами — британо-бельгийской организацией «Fern»). Спецификой Кемеровской области является то, что осваивать ресурсы угольной промышленности стали достаточно давно — в 70-е гг. XX в. Вначале разработка угольных месторождений и строительство посёлков не вызывало ни у кого протестов, хотя, безусловно, оказывала значительное воздействие на состояние окружающей среды и здоровье её жителей [11]. Поскольку территорию Кузнецкого бассейна можно отнести к староосвоенным месторождениям, многие поселения Кемеровской области были построены давно. Так, посёлок Курья на месте современного города появился до разработки угольного месторождения. Часто при открытии месторождений расселялись посёлки, где проживали целые общины коренного населения — шорцев, что не вызывало протестов вплоть до 90-х гг. XX в.

В 1970-е гг. при разработке разреза «Сибаргинского» был снесён посёлок Курья. Несмотря на то, что для добычи угля вырубалась тайга, огороды жителей посёлка изымались под сенокосные угодья тех, кто работал на шахте. Особенно острым этот конфликт стал только в 2000-е гг.

В 1992 г. Чувашенский сельский совет, на территории которого располагались моноэтнические посёлки, где проживало только шорское население (Чувашка, Казас, Чузас, Тос), стал национальным сельским советом. Между компаниями, которые проводили добычу угля, и сельской администрацией было заключено соглашение о социальном партнёрстве, в результате которого налоговые поступления шли в бюджет посёлка. Такие выплаты позволяли решать финансовые проблемы, оплачивать мероприятия по национально-культурному развитию. Вплоть до начала 2000-х гг. не было никаких конфликтов между жителями посёлка и шахтой «Урегольской».

Изменения произошли в 1999 г., когда посёлок перестал быть частью Новокузнецкого района и стал подчиняться в административном отношении городу Мыски. Тогда все поступления, которые приходили от компаний, стали выплачиваться в муниципальный бюджет, а не бюджет сельского поселения.

В итоге, сельский совет мог только формально согласовывать решения о строительстве объектов на территории поселения. Одновременно с этим на территории Урегольского месторождения стали конкурировать фирмы — ООО «МетАл» и угольная компания «Южный Кузбасс». Местное население Чувашенского сельского совета направило обращения с жалобами на нарушение прав коренных народов (шорцев) компанией ООО «МетАл» и требованием запретить деятельность компании, в результате разрез стало осваивать конкурирующее предприятие.

В 2012 г. посёлок Казас, который был одним из самых старых поселений шорского населения, оказался в зоне разработки угольной компании «Южная». В этот период был введён в эксплуатации разрез «Береговой». Это катастрофически повлияло на условия жизни местного населения — загрязнение воды было настолько сильным, что жители были вынуждены использовать привозную воду. Чтобы въехать в посёлок, жители были вынуждены проходить досмотр, поскольку администрация компании поставила КПП на въезд.

Таким образом, большая часть населения была вынуждена переехать в другие посёлки, им выплачивали компенсации за переселение [19]. В целом, разработка ме-

сторождения стала рассматриваться как ущерб интересам коренным малочисленным народам довольно поздно, уже после подъёма национального движения в 1990-е гг. При этом участниками протестов становились не только жители посёлков, но и экологические организации, в т. ч. зарубежные, а также международные организации по защите прав коренных малочисленных народов.

Экологический конфликт между Усть-Лужским сельским поселением и портом Усть-Луга. Кингисеппский район Ленинградской области, в особенности, земли близ Лужской Губы, являются исторической территорией проживания финно-угорских народов — води и ижоры. Историческим занятием народов, заселявших побережье Финского залива, было рыболовство. Особенно этот промысел развивался в деревнях на берегу Финского залива — Вистино, Лужицы и Краколье [4]. На территории Ленинградской области сельское хозяйство имело вспомогательное значение, и из-за неплодородности почв местные жители всегда были вынуждены заниматься другими промыслами.

Народы Ленинградской области были внесены в Перечень коренных малочисленных народов Севера достаточно поздно — в 2002 г. в список была включена ижора, а в 2008 г. — водь. В настоящее время численность народов Ленинградской области быстро сокращается — по данным переписи населения 2021 г., ижорой записалось 210 чел., водью — 99.

Ситуация в Ленинградской области не является типичной, поскольку коренные народы, исторически проживавшие в Усть-Лужском сельском поселении, расселились незадолго до колонизации славянского населения. При этом позиционировать себя как коренные малочисленные народы они начали только в 2000-е гг. Национальная идентичность в поселениях Ленинградской области частично была сконструирована после того, как было проведено большое количество этнографических экспедиций, более того, стало популярным общественное движение коренных малочисленных народов. Очень многие жители, имеющие корни в Ленинградской области, определили себя как ижора или водь.

В 2009 г. была принята Концепция устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, в которой одним из пунктов является поддержка традиционного образа жизни. Сохранение исторических экономических занятий способствует демографической устойчивости численности коренных народов [6]. Для народов Ленинградской области такой отраслью было обозначено рыболовство, хотя уже в XIX в. его трудно было назвать традиционным, поскольку вылов рыбы осуществлялся и на продажу.

Народы Ленинградской области, благодаря близости к Санкт-Петербургу, в большей степени, чем народы Сибири, были подвержены ассимиляции. Контакты славянского и финно-угорского населения происходили достаточно часто [5]. Тем не менее, длительное время вплоть до 1990-х гг. жители посёлков побережья Финского залива занимались рыболовством.

В деревнях Вистино, Лужицы и Краколье ещё в XIX в. жители использовали архаичные орудия труда. Рыболовство было связано с другими видами хозяйствен-

ной деятельности — рыбаки плели из льняных ниток с помощью деревянных иголок сети, а также ловушки для рыбы. К сети прикрепляли глиняное грузило (продукция гончарного промысла использовалась и для рыболовства), иногда его делали из камня, завёрнутого в бересту. Невод представлял собой длинную сеть, которую тащили в воде по берегу. Орудия лова также были достаточно отсталыми — использовались острога и заторы. Удочки делали из дерева, крючки привязывались на леску из волос конского хвоста. Чтобы оглушить рыбу, использовали колотушку. Таким образом, в традиционном рыболовстве использовались в основном природные материалы, а его масштабы позволяли обеспечить пищей прибрежные посёлки [5].

В XIX в. рыболовство стало изменяться, оно стало промышленным. Вылов рыбы осуществлялся не только жителями посёлка, также были созданы рыболовецкие артели для промышленного вылова рыбы. Летом ходили на баркасах, вёсельных и парусных лодках. Полученную продукцию сбывали. В советское время были организованы рыболовецкие колхозы, в которых была достаточно большая мощность производства. В посёлке Вистино был построен завод «Шпроты». В 1945 г., после открытия консервного завода, большая часть местного населения стала работать на заводе. Внутри самого завода было создано несколько цехов, а в 1959 г. началась его крупная реконструкция. Консервы Усть-Лужского рыбоконсервного завода отправлялись на экспорт, во Вьетнам, ОАЭ и Чехословакию. До 1975 г. сырьё для рыбоконсервного завода поступало от рыболовецких колхозов [4].

В 1975 г. снабжением завода стала заниматься база «Ленрыбхолодфлот», которая не всегда равномерно поставляла рыбу на предприятие, кроме того, занятость местных жителей в рыболовстве резко сократилась. Однако вплоть до 1992 г. у рыбоконсервного завода были достаточно высокие экономические показатели. Он производил 400 тыс. банок консервов в год. В 1990-е гг. завод был приватизирован, однако всё равно большая часть населения продолжала работать на нём¹. После строительства морского терминала в посёлке Вистино в 2008 г., консервный завод был закрыт [2].

Современная численность населения Кингисеппского района составляет 83,8 тыс. чел. (по оценке на 2023 г.). Усть-Лужское сельское поселение состоит из деревень Выбье, Гакково, Кайболово, Кирьямо, Конново, Кургалово, Липово, Лужицы, Межники, Преображенка, Тискалово и Усть-Луга. Численность жителей сельского поселения по данным администрации на 1 января 2024 г. составила 3176 чел.². Подавляющая часть населения сельского поселения проживает в посёлке Усть-Луга, это в основном люди, которые приехали на заработки в порт.

В 2023 г. сотрудниками НИЦЭБ РАН были проведены полевые работы в посёлках Усть-Лужского сельского поселения, целью которых было узнать мнение жителей, насколько строительство порта оказало влияние на их жизнь. По неофициальным данным, в национальном составе сельского поселения в деревнях Выбье, Кононово, Тисколово, Гурлево, Кирьямо, Липово и Гакково 22 % составляют ижоры и воль, хотя ныне это преимущественно смешанное население. Тем не менее, ижорская об-

¹ Усть-Лужскому рыбокомбинату — 90! Восточный берег. [Электронный ресурс]: URL: <https://vost-bereg.ru/ust-luzhskomu-rybokombinatu-90/>

² Официальный сайт Администрации «Цсть-Лужское сельское поселение». [Электронный ресурс]: URL: <http://xn----jtbcdquqdfie9h.xn--p1ai/?p=21995>

щина «Шойкула» зарегистрирована как общественная организация, которая выполняет функции защиты интересов местного населения.

После строительства порта Усть-Луга, крупнейшего на Балтийском море, включающего крупные терминалы и производственные комплексы, в жизни местного населения Сойкиного полуострова произошли серьёзные изменения. В настоящее время хозяйственная деятельность Усть-Лужского сельского поселения основана не на сельском хозяйстве, а на работе жителей на терминалах, в социальном секторе, в аптеке, ФАПе, администрации и в торговых точках. При этом, после строительства порта появилось много прибывших из других регионов и из стран СНГ, для которых были построены общежития, открыты гостиница и кафе.

Среди жителей возникла дилемма — или работать в порту, на терминалах, или же искать другой вид деятельности. Для того, чтобы получить высокооплачиваемую работу на терминалах, у местных жителей не всегда хватает квалификации. Возникли конфликты между приезжим населением и местными жителями, которые сдавали и сдают жильё мигрантам. Существует определённое напряжение, которое может привести к конфликту. В частности, жители жаловались, что бизнес, в частности, открытие заведений общественного питания, организуют приезжие, при этом местное сообщество недостаточно участвует в этом.

Жители посёлка Вистино отмечали, что пока существовал консервный завод, было негласное правило не брать сотрудников завода на работу на терминал. После закрытия завода часть населения посёлка Вистино была трудоустроена на терминал, зарплаты на котором были значительно выше, чем на других предприятиях.

Строительство порта Усть-Луга, угольного и нефтеналивного терминалов сопровождалось сменой большого количества компаний, которые работали на территории посёлка. Некоторые компании, такие, как компания «Новатэк», активно оплачивали культурную деятельность, связанную с фестивалями коренных малочисленных народов. В посёлке Вистино на средства спонсоров была построена мастерская. Музей водской культуры, созданный местными жителями, работает не каждый день, однако есть специальные курсы по преподаванию водского языка, которые проводятся в Краколье в школе, они частично финансируются правительством Ленинградской области, частично — частными компаниями.

В 2021–2022 гг. для того, чтобы мог функционировать комплекс по переработке и сжиганию природного газа, оператором которого стала компания «Русхимальянс», планировалось строительство развязки — съезда с трассы «Нарва», территория затрагивала часть водского кладбища в деревне Лужицы. Жители жаловались на постоянный шум, разбитую большегрузами дорогу и пыль.

Активисты Усть-Лужского поселения, которых поддержали экологи, журналисты и члены общественных организаций, направили обращение Президенту, в прокуратуру и в природоохранные структуры с просьбой принять другой вариант планировки дороги, которая бы не пролегла через деревню. Было проведено несколько собраний, на которые приглашали главу администрации Кингисеппского района и губернатора Ленинградской области. Более того, компания «Русхимальянс» обратилась для составления проекта обоснования к фирме, проводящей этнологическую экспер-

тизу, в итоге было принято соглашение и проект. В результате всех дискуссий поставили шумовой экран, а развязку вывели с территории кладбища за пределы кладбища. Альтернативный вариант развязки, когда трасса прокладывается вне территории деревни Лужицы, не был принят. Совет, который был создан компанией «Усть-Лугой», местными активистами был назван «управляемым». Более того, наиболее активные жители деревни Лужицы в этот совет не вошли.

Заключение. Таким образом, конфликт местного сообщества и компаний, в т. ч. с компанией «Русхимальянс» в районе порта Усть-Луга можно считать примером реализации концепции экстрактивизма с той точки зрения, что основные преимущества от освоения территории получают не местные жители, а крупные компании. Однако, начиная с 1990-х гг., после проведённой экспертизы и слушаний порт «Усть-Луга» официально принял стратегию социальной ответственности компании, многие жители были трудоустроены. Более того, финансируется преподавание ижорского и водского языка, музейная деятельность.

Исторически жители Усть-Лужского сельского поселения занимались рыболовством, в какой-то мере рыболовство сохранилось и в советское время вплоть до 90-х гг. XX в., пока существовал консервный завод «Шпроты». Оно прекратилось в связи со строительством порта Усть-Луга, который расширил возможности интенсивного развития поселения, но оказал негативное влияние на экологическое состояние посёлков. Большое количество приезжего населения, которое не всегда соблюдало местные традиции, вызывало недовольство местных жителей.

Избежать полностью конфликта кажется невозможным, поскольку порт имеет стратегическое значение, а интересы небольшой общины деревенских жителей, хоть и официально зарегистрированных как водь и ижора, имеют меньшее значение.

Для того, чтобы от строительства порта, также как и от добычи и транспортировки газа местные жители не только страдали, но и имели какие-то преимущества, возможной рекомендацией является проведение компанией специальной политики, включающей ряд пунктов:

- 1) улучшение инфраструктуры посёлков и строительство дороги (в настоящее время жители жалуются на то, что дорога разбивается большегрузами);
- 2) финансирование туристской деятельности, в т. ч. связанной с музеями водской и ижорской культуры;
- 3) обучение жителей, проживающих постоянно в посёлках, необходимым знаниям, которые могли бы пригодиться в работе инфраструктуры порта;
- 4) проведение специальных встреч между местным населением и вахтовиками, где разъяснились бы определённые правила, связанные с местными традициями, в т. ч. уважительное отношение к местному историческому и природному наследию.

Литература

1. Аксенова О. В. Магистральный газопровод в приграничном районе // История и современность. 2009. № 1. С. 73–92.
2. Антропология экстрактивизма. Мировой опыт и российский контекст / Д. А. Функ, В. В. Поддубиков, Н. И. Новикова, А. Н. Садовый и др. М.: ИЭА РАН, 2022. 224 с.
3. Бочарникова А. В. Потенциал экономики замкнутого цикла на территориях проживания коренных малочисленных народов Ленинградской области на примере ижор и вепсов // Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. География. Геоэкология. 2022. № 8. С. 18–28.
4. Бочарникова А. В. Трансформация хозяйственной деятельности поселений коренных малочисленных народов Ленинградской области // Знание. Понимание. Умение. 2023. № 3. С. 245–252.
5. Бузин В. С. Этнография русских. СПб.: Издательство СПбГУ, 2007. 421 с.
6. Клоков К. Б., Хрущёв С. А. Теоретические обоснования этноэкологической экспертизы для оценки воздействия индустриального освоения на традиционное природопользование коренного населения Севера // Региональные исследования. 2014. Т. 1 (43). С. 98–108.
7. Ландсем Лена Ингле. Исследование меньшинств: между наукой и политикой // Арктика и Север. 2017. № 27. С. 165–185.
8. Новикова Н. И., Уилсон Э. Корпоративная социальная ответственность: трансформация понятия на западе и значимость для коренных народов России // Уральский исторический вестник. 2015. № 2. С. 108–117.
9. Поддубиков В. В., Арцемович С. А., Функ Д. А. «Ресурсное проклятие» с антрацитовым отблеском: коренные народы и добывающие компании Кузбасса в ситуации конфликта // Сибирские исторические исследования. 2018. № 2. С. 122–163.
10. Садовой А. Н. Феномен экстрактивизма в системе внутри- и межэтнических коммуникаций // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 81. С. 170–184.
11. Садовой А. Н., Поддубиков В. В. Этнологическая экспертиза в практике регионального управления: опыт Кемеровской области // Вестник Кемеровского государственного университета. 2011. Т. 10 (45). С. 22–26.
12. Gilberthorpe E., Rajak D. The Anthropology of Extraction: Critical Perspectives on the Resource Curse // The Journal of Development Studies. 2017. Vol. 53. P. 186–204.
13. Hopkins M. Corporate social responsibility and international development: Is business the solution? London. Earthscan, 2007. 262 p.
14. Jalbert K., Willow A., Casagrande D., Paladino S. (eds.). ExtrAction: Impacts, Engagements, and Alternative Futures, Routledge, New York, 2017. 238 p.
15. Jerry K. Jacka. The Anthropology of Mining: The Social and Environmental Impacts of Resource Extraction in the Mineral Age // Rev. Anthropol. 2018. No. 47. P. 61–77.
16. Jones B. Citizens, partners or patrons? Corporate power and patronage capitalism // Journal of Civil Society. 2007. Vol. 3 (2). P. 159–177.
17. Mauss M. The gift: The Form and reason for exchange in archaic societies, New York — London: W. W. Norton, 1990. 225 p.
18. MacIntosh M. D., Murphy D. F., Shah R. A. Something to believe in: Creating hope and trust in the Organization: Stories of transparency, accountability and Governance, Sheffield: Greenleaf Publishing, 2003. 245 p.
19. Poddubikov V. V., Arcemovich S. A., Funk D. A. The “Resource Curse” with a Shade of Anthracite: Indigenous Peoples and Extractive Companies of Kuzbass in a Conflict Situation // Siberian Research. 2018. Vol. 2. P. 122–163.
20. Sharp J. Corporate Social Responsibility and Development: An anthropological perspective // Development Southern Africa. 2006. Vol. 21. Is. 2. P. 213–222.
21. Statman M. Socially responsible mutual funds // Financial Analysts Journal. 2000. Vol. 56. P. 30–39.
22. Zadeck S. The Civil Corporation: The New Economy of Corporate Citizenship. London. Earthscan, 2001. 240 p.

References

1. Aksenova O. V. (2009), Main gas pipeline in the border area, *History and modernity*, no. 1, pp. 73–92 (In Russ.).
2. *Antropology of Extractivism: World Experience and Russian Context* (2022), D.A. Funk, V. V. Poddubikov, N. I. Novikova, A. N. Sadovyj and ect., Moscow, IJeA RAN, 224 p. (In Russ.).
3. Bocharnikova A.V (2022), Potential of Circular Economy at The Territories of Inhabitation of Indigenous Peoples of Leningradskaya Oblast (Izhora and Veps), *Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Geography. Geoecology*, vol. 8, pp.18–28. (In Russ.).
4. Bocharnikova A. V. (2022), Transformation of the Economic Activity of the Indigenous Peoples of Leningradskaya oblast, *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 2, pp. 245–252. (In Russ.).
5. Buzin V. S. (2007), *Ethnography of Russian*, SPb., SPbGU. 421 p. (In Russ.).
6. Klokov K. B., Hrushhev S. A. (2014), Theoretical Foundation of Ethno-Ecological Examination to Assess the Impact of Industrial Development on the Northern Indigenous Population's Traditional Nature-Use, *Regional Research*, no1 (43), pp.98–108. (In Russ.).
7. Landsem Lena Ingile (2017), Research of Minority: between Science and Policy, *Arctic and North*, no. 27, pp. 165–185. (In Russ.).
8. Novilkova N. I., Emma Wilson (2015), Corporate Social Responsibility: Transformation of the Concept in the West and Its Importance for the Indigenous Peoples of Russia, *Ural Historic Notes*, no. 2 (47), pp. 108–117. (In Russ.).
9. Poddubikov V. V., Arcemovich S. A, Funk D. A. (2018), The “Resource Curse” with a Shade of Anthracite: Indigenous Peoples and Extractive Companies of Kuzbass in a Conflict Situation, *Siberian Research*, no. 2, pp. 122–163 (In Russ.).
10. Sadovy A. N. (2023), The phenomenon of extractivism in the system of intra- and interethnic communications, *Bulletin of Tomsk State University. History*, no. 81, pp.170–184. (In Russ.).
11. Sadovy A. N., Poddubikov V. V. (2011), Ethnological expertise in the practice of regional management: experience of the Kemerovo region, *Bulletin of Kemerovo State University*, vol. 10 (45), pp. 22–26.
12. Gilberthorpe E., Rajak D. (2017), The Anthropology of Extraction: Critical Perspectives on the Resource Curse, *The Journal of Development Studies*, vol. 53, pp.186–204.
13. Hopkins M. (2007), *Corporate social responsibility and international development: Is business the solution?* London. Earthscan, 262 p.
14. Jalbert K., Willow A., Casagrande D., Paladino S. (eds.) (2017), *ExtrAction: Impacts, Engagements, and Alternative Futures*, Routledge, New York, 238 p.
15. Jerry K. Jacka. (2018), The Anthropology of Mining: The Social and Environmental Impacts of Resource Extraction in the Mineral Age, *Rev. Anthropol*, vol. 4, pp. 61–77.
16. Jones B. (2007), Citizens, partners or patrons? Corporate power and patronage capitalism, *Journal of Civil Society*, vol. 3 (2), pp. 159–177.
17. Mauss M. (1990), *The gift: The Form and reason for exchange in archaic societies*, New York — London, W. W. Norton. 225 p.
18. MacIntosh M. D., Murphy D. F., Shah R. A. (2003), *Something to believe in: Creating hope and trust in the Organization: Stories of transparency, accountability and Governance*, Sheffield, Greenleaf Publishing, 245 p.
19. Poddubikov V. V., Arcemovich S. A, Funk D. A. (2018), The “Resource Curse” with a Shade of Anthracite: Indigenous Peoples and Extractive Companies of Kuzbass in a Conflict Situation, *Siberian Research*, no. 2, pp. 122–163.
20. Sharp J. (2006), Corporate Social Responsibility and Development: An anthropological perspective, *Development Southern Africa*, vol. 21, is. 2, pp. 213–222.
21. Statman M. (2000), Socially responsible mutual funds, *Financial Analysts Journal*, vol. 56, pp. 30–39.
22. Zadeck S. (2001), *The Civil Corporation: The New Economy of Corporate Citizenship*, London, Earthscan, 240 p.

Сведения об авторе

Бочарникова Александра Владимировна — кандидат географических наук научный сотрудник лаборатории экономических проблем экологической безопасности, Санкт-Петербургский научно-исследовательский центр экологической безопасности Российской академии наук — Федеральный исследовательский центр Российской академии наук, г. Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: aleksandra.bocharnikowa@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-7292-9351

Scopus Author ID: 57188302800

About the author

Dr Alexandra Bocharnikova, Research Assistant at Laboratory of Economic Problems of Ecological Safety, Saint Petersburg Federal Research Center of the Russian Academy, Saint Petersburg, Russia.

E-mail: aleksandra.bocharnikowa@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-7292-9351

Scopus Author ID: 57188302800

Поступила в редакцию 20.06.2024 г.

Поступила после доработки 10.08.2024 г.

Статья принята к публикации 10.09.2024 г.

Received 20.06.2024.

Received in revised form 10.08.2024.

Accepted 10.09.2024.